

A woman with long brown hair, seen from behind, is running through a field of vibrant red poppies. She is wearing a bright red, sleeveless, flowing dress that is caught in the wind, billowing around her. The sky above is filled with heavy, dark grey clouds, with some lighter patches where the sun might be breaking through. The overall mood is dramatic and evocative.

Лана Дзассохова

Запах пыли

Лана Дзассохова

Запах пыли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25553774

Аннотация

Когда-то давно они были детьми. Прошло много лет прежде чем они встретились снова и эта встреча стала началом невероятных событий в их жизни. Оказалось, что не все являются теми, за кого они выдают себя. Вопрос, мучающий главную героиню встает особенно остро. Она пытается найти ответ, но что же получится у них в конце?

ЗАПАХ ПЫЛИ

*Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям,
и буду искать того, которого любит душа моя; искала я
его и не нашла его.*

Книга Песни Песней Соломона 3:2

К Меджнуну обратились вопрошая:

«Чего ты ищешь: ада или рая?»

А он: «Я за возлюбленной иду.

Мне и в раю с ней благо и в аду».

*Порою друг, что друга отвергает,
Отвергнутому лишь милей бывает.
Саади.*

Лейли

Уличные фонари тускло освещали мой путь. Я шел. Я летел. Я горел. Резкие порывы холодного, пронизывающего ветра трепали мою одежду. В воздухе кружились тучи пыли, миллионы, мириады крошечных камней, осколки жизней, чьей-то любви и надежды. Я дышал грудью, навек скованной моей слабостью, ее несчастьем. Дышал, но уже не жил. Я не искал истину своей сущности, но нашел ее. Узнав, какая правда лежит на глубине моей души я утрашился. И

бежал. Прощай, моя истина. Прощай, моя душа. Запах пыли наполнял мои легкие, кислорода не хватало. Я ловил воздухом. И не мог понять. Как можно быть, задыхаясь в туманном водовороте собственных сновидений.

1

«Вообще-то, я бы тоже могла попозже прийти. Но нет, надо стоять тут, мерзнуть, ждать, когда она явится. Говорила мама, оденься потеплее...». Я поджидала подружку в небольшом сквере на нашей любимой скамейке. Она опаздывала, и я злилась. К тому же погода стала портиться. Утром светило солнышко, а теперь его и след простыл. Я глянула на небо и поежилась. Люди, гулявшие в парке, засобирались домой. «Не хочу, не хочу! Хочу еще на качелях!» – маленькая капризуля отказывалась идти домой. «Хватит с меня!» – подумала я, резко встала и тут же оказалась на земле. Сверху на меня смотрели два изумленных, непонимающих глаза.

Первым порывом было наорать на него и поскорее умчаться домой, пить горячий чай. Юноша помог мне встать.

Я же знаю его. Ну, конечно – друг детства! Только очень повзрослевший. Из тоненького мальчишка он превратился в мужчину. Даже лицо слегка изменило овал, или это так кажется из-за легкой бородки и усов. Лишь глаза все те же – большие, зеленые, голубые, серые, они меняли свой цвет в зависимости от настроения его хозяина. Соседский мальчишка прозвал его за это хамелеоном. Боже, сколько време-

ни прошло.

И все в прошлом. Мы были детьми. Детьми. В ушах шумело так, будто я с головой окунулась в быструю реку, ощущение, будто тону, и сердце заколотило с такой силой, что я на время перестала слышать окружающие звуки. Парковая дорожка стала закручиваться, и я вдруг почувствовала, как течет моя кровь, только отчего-то она ледяная. Я нащупала рукой дерево и вцепилась в него, чтобы не упасть. Я не знала как себя вести и кажется, глупо улыбалась. Он выглядел слегка смущенным.

–Привет, – неуверенно произнес он, – Извини.

–Ничего, – еле слышно пролепетала я.

– Я тебя не сразу узнал. Ты повзрослела.

– И ты изменился.

– Я видел твою маму несколько раз, она говорила, что ты уехала к тете, – пробормотал он.

В горле пересохло, дышать было тяжело, как будто на меня надели тугой корсет. Я подняла один из рассыпавшихся по парковой дорожке листков, которые рассыпались при нашем столкновении.

–Ты надолго?

–Не знаю. Это не от меня зависит. Как работа пойдет.

Протягивая ему листочек, я обнаружила, что руки у меня трясутся. Он отвел глаза.

–Дядя купил дом, тут, на этой же улице, недалеко от вас.

–Ясно. И давно ты приехал?

–Месяца два будет. Да, я еще пару раз в деревню ездил.

Два месяца уже. Отлично. Значит, мама все знала. Знала, что он тут и ничего мне не сказала. За все эти два месяца ни слова.

–А ты когда приехала?

–Пару недель как.

Когда-то он приехал на лето в наш город. К дяде. А дядя снимал комнаты у наших соседей. Мы вместе играли: я, он и соседский мальчишка Дима. Ходили купаться на речку. Иногда приезжали его сестры и тетя из деревни.

Он подарил мне розу на день рождения. Она очень долго стояла. Каждый раз, когда он уезжал в деревню, ее лепестки начинали сникать, а как он возвращался, роза оживала. Для нормального человека видеть такое, по меньшей мере, странно. Мне это даже нравилось, хотя метаморфозы, происходящие с цветком, были несколько удивительны.

Иногда мне казалось, что он пытался сказать, что я значу для него что-то большее, но тринадцать лет – возраст несерьезный, и я понимала это, да и он был старше всего на год. «Э-э, это все детское» как-то сказал он про чувства в нашем возрасте. Тогда я была с ним согласна, пока не поняла, как сильно привязалась к нему. Пока он не уехал.

Далеко-далеко, в другой город, в другую страну.

В другой мир.

Наступало лето и я с тоской, страхом и надеждой смотрела

на тот дом. Он приезжал несколько раз за все эти годы, но я об этом узнавала случайно, когда его уже не было в городе. Он не заходил, не появлялся во дворе. Как будто бы его и нет.

В какой-то момент чувство утихло или, может, я просто смирилась с тем, что ничего не могу изменить. Я загнала его в самый темный уголок сердца и старалась не вспоминать.

И вот теперь опять. Мой маленький монстр вырывался из своей многолетней тюрьмы, скребясь острыми коготками. Неужели снова придется это переживать? Он опять уедет. Да кто я ему? Просто знакомая девочка. Девушка.

Что-то холодное и мокрое упало мне на щеку. А потом и на руку. Крупные капли с шумом забили по листве парковых деревьев.

–Дождь. Пойдем быстрее. Ты куда, домой?

–Да.

Всю дорогу мы оба молчали. Я скосила глаза. Он сосредоточенно обходил лужи. Губы плотно сомкнуты. С коротких, уже промокших темно-русых волос капает вода. Внутри зашевелилось что-то холодное, потом переместилось на уровень желудка. Страх перед возможным потоком новых страданий. Ну, почему я не умею читать мысли? Я снова глянула на него и встретила с ним взглядом – меня окатило волной одновременно острой и теплой. Он торопливо отвел глаза.

–А где ты работаешь?

–Ты не поверишь, – засмеялся он, – да, я и сам не верю!
В театре!

– Ты же кардиохирургом стать хотел! – нечаянно вырвалось у меня.

–Ты помнишь?

Я чуть не подавилась собственными словами. Ну, почему я такая дура? Что ему ответить?

–Э-э, ну, так, просматривала недавно свои школьные тетради и нашла дневник, где ты анкету заполнял... – соврала я.

–Ты хранила до сих пор?

Вот влипла! И сколько раз надо повторять сначала думай, потом говори. Теперь он наверное думает...

–Так, как-то руки не доходили.

–Да-а... – протянул он, оценивающе поглядев на мои руки – это за семь лет... Я понял, – понизив голос, хитро шепнул он, – ты просто ходить на руках не умеешь!

–От тебя ничего не скроешь! – фыркнула я. А я и забыла, до чего с ним хорошо. Весело и легко, как ни с кем другим, – Ты лучше скажи, что конкретно ты в театре делаешь? Только не говори, что ты актер?

–Ладно, не буду, – он помахал передо мной листочками, которые мы собирали в парке, – ноты. Это мои партии. Я – певец.

–Это... здорово! – сказать, что я была удивлена, ничего не сказать, – У тебя тут гастролы?

–Нет, думаю перейти к вам работать.

–Странно, все стремятся в большие города, делать карьеру, а ты сюда, в наш захолустный городок?

–Может, зайдешь, завтра ко мне на работу, после репетиции погуляем по парку, хочешь? Ну, или в кафе зайдём? – ясно, уходит от ответа.

–Это свидание? – кокетливо улыбнулась я.

Он смутился на мгновение, а потом его лицо приняло обычное насмешливое выражение.

–Как даме будет угодно! Вот и твой дом. Пока!

Повернувшись, он быстро зашагал прочь, на ходу натягивая капюшон на голову.

–Пока,– запоздало попрощалась я, глядя ему вслед.

2.

Мама смотрела двухсотую серию какой-то мыльной оперы. Не пропускала ни одну. Я не смотрела его, однако достаточно пару раз во время сеанса пройти мимо и будешь в курсе событий, кто там кого любит и кто чей сын.

–Мам, – позвала я, скидывая промокшие балетки,– я дома! А знаешь, кого я встретила?

Интересно, что она скажет в свое оправдание?

–Я же говорила тебе, чтоб одела жакет.

–Вообще-то на улице дождь, и жакет бы мне не помог, а про зонтик ты ничего не говорила. Знаешь, кого я видела?

–Что-то ты быстро, а Ника где, домой пошла, что ли?

Это было уже слишком. Да она меня вообще не слышит! Волна гнева накатила на меня. Какое право она имеет так разговаривать?

–Мама, ты знала, что Радим приехал, знала и ничего мне не сказала?

–Приехал, ну и что? Ах, да, я же видела его. Я и забыла про это.

–Да, понятно.

Как же, забыла она. Хотя на ее месте, я бы тоже, наверное, промолчала. Она видела, как я переживаю, а какой матери захочется, чтобы дочь страдала. Нет, я бы поняла, если бы он приехал на пару дней и уехал обратно, то имело бы смысл молчать, зачем лишний раз травмировать дочь. Но он сказал, что видел ее несколько раз. Зная ее, трудно поверить, что она не спросила его, надолго ли он, и чем тут занимается. Наверняка она его терпеть не может. Ладно. Какой смысл об этом думать? И вообще, какая мне, в сущности, разница? Действительно, а может она и права? Приехал, ну и что? Подумаешь! Мало ли кто приезжает. Он мне никто. Как и я ему. И он это прекрасно дал понять, за все эти годы.

Надо было высушить волосы. Фен был в моей комнате, он перекочевал туда из ванной, когда я прочитала, что в ванной металлические детали могут заржаветь. Не знаю, насколько это верно, но фен мне нравился, он был такой удобный, с прорезиненной ручкой, и на всякий случай я решила подстраховаться. И очень удачно, потому что в таком состоянии проходить в ванную через зал, где сидела мама, не хотелось. Скрывать свои чувства у меня всегда получалось плохо, а расстраивать родного человека из-за своей глупости еще од-

на глупость. Не нужно ей сейчас видеть мое лицо.

Фен выскользнул из рук, стукнулся о нижнюю дверцу старого комода, которая со скрипом распахнулась и ударила меня по ноге, ай, до чего же больно! Я нагнулась потереть ушибленное место и мимоходом взглянула на полки, где громоздилась стопка исписанных школьных тетрадей. Надо бы выкинуть, зачем еще я их держу? На глаза попался мой старый дневник. Блокнот с белыми ромашками по всей обложке. Сколько лет прошло? Вытащив его из-под стопки запыленных тетрадей, я заодно выключила фен, волосы и так высохнут. Поколебавшись, раскрыла дневник.

1 июля. Воскресенье.

У Ники была корь и теперь у нее карантин...

Почему он не приезжает, ведь я его так ждала и жду!

Но нас так многое разделяет! Во-первых, расстояние. Во-вторых, язык. Хотя по-русски он отлично говорит. В-третьих, самое главное – вера. Он же мусульманин. Его Бог – Аллах. Мой – Господь Бог. Его книга – Коран, а моя – Библия. Я не сменю религию. И он не пойдет на такую жертву. Да, как это вообще могло произойти со мной?! И угораздило же меня!

Да, это несовременно. И мало кто обращает внимание на религию в наше время, но разве я смогу? Нет.

Но ведь он обещал приехать! Я прекрасно помню, как он сказал, вернее, ... эх, да, что об этом говорить?

Не знаю, что и думать. Вот, стихи, кстати, такие, не знаю.

*Хочу в глазах твоих тонуть...
Зеленый омут завлекает,
Нет мира, что вокруг витает,
А сердце бьется – не страдает...
Хочу в глазах твоих тонуть...*

*Плывет волна, бушует море.
Зачем нам расставаться вскоре?
Зачем свиданий краткий час
Так бесконечен не для нас?
Плывет волна, бушует море...*

*Хочу в глазах твоих тонуть,
Как море глубоки они,
Зеленые два острова – Бермуда.
Стою и ожидаю чуда.
Хочу в глазах твоих тонуть...*

9 июля, понедельник.

Сегодня учила этюд. Выучила партию левой руки.

Я выглянула в окно и увидела машину Алика, его дяди. И конечно сразу нашла предлог выйти, пойду, говорю, печенье куплю.

Его не было.

Приехал мой дядя и пригласил меня к себе в деревню. Я

решила согласиться. Может, отвлекусь. Странно, что мама не против, даже как будто рада. А ведь она не любит отпускать меня одну куда-либо.

12 июля, четверг

Я так скучаю по маме и папе.

Вдруг он в городе? Вчера я позвонила маме. Мимоходом спросила, не заходил ли ко мне кто. Она сказала, что нет. Пыталась уговорить дядю отвезти меня обратно. Тетя так возмутилась, что у меня не хватило духу настаивать.

30 июля, понедельник

Приехала. Узнала от мамы, что она видела Радима «вчера». Я всеми силами старалась не показать, что он меня интересуется и даже «забыла» его имя.

23 августа, четверг.

Часов в 12 приехал Алик, как раз когда я выучила 4-ую строчку этюда. Естественно, я поплелась посмотреть. Безо всякой надежды. Нет, и нет. Я поднялась на второй этаж и снова стала играть этюд. Мама поднялась ко мне «Ты думала, Радим приехал, да?», «Нет». Мама обняла меня за плечи: «Тебе он еще нравится, да?». Пальцы вдруг стали ледяными, я изо всех сил пыталась заставить их бить по клавишам, чтобы не выдать своих чувств, но маленькие предатели перестали слушаться. Я выскочила из комнаты...

Я помню, как он смотрел, немножко свысока, сверху вниз, хотя росту он невысокого.

Помню его слова и голос и то, как он говорил, с легкой

расстановкой.

Я останавливаюсь на улице, если слышу, как говорят на *его* языке, чтобы просто послушать.

Мама говорит, что я не до конца откровенна с ней. И начала говорить о Радиме. О том, что было видно, что он мне нравится, и что я ему тоже. И даже Дима замечал это и ревновал. Как же тяжело. Даже его имя слышать. Как ножом по сердцу.

Что касается Димы, то это вообще глупо.

Я пролежала полночи без сна, уставившись в потолок и уже не вытирая слезы.

Я пыталась разглядеть что-то в темном, узком длинном коридоре. Я шла и шла, поворачивая то направо, то налево, все быстрее и быстрее. Я ищу что-то ценное, такое необходимое, бегу, мне не хватает дыхания, задыхаюсь, падаю на колени и ползу из последних сил, и наконец, вот она – та самая дверь. Большая, с белым орнаментом на ярко-голубом фоне.

Дернув за ручку, я шагнула во двор. Уже десять вечера, праздник в разгаре. Куча людей, шум, музыка. И *он*. Подошел и потянул меня в сад. Я почувствовала прикосновение его теплой руки. Мы прошли по аккуратно проложенной тропинке к беседке. В ней было светло, я отчетливо видела каждую жилочку на листьях плюща, распустившего свои плети по всей стене. Узорная решетка беседки выкрашена

в белый цвет, отражает солнечные лучи, слепит глаза. И музыка. Тихая, нежная, кажется, доносилась из дома. Ничего не говоря, он обнял меня и стал легонько покачивать в такт музыке. Наконец-то я нашла тебя. Я не должна, нельзя так делать,— пронеслось у меня в голове, а сама только крепче прижалась к нему. Вот он, рядом со мной. Ощущение счастья было настолько сильным, что я могла сказать, что это отдельная личность, а не чувство или состояние человека. Я могла бы его описать – оно горячее, ослепительно – сладкое и огромное. Нечто похожее на солнце. Проникающее в самое сердце. Наконец-то я нашла тебя, наконец, наконец...

Меня словно подбросило на кровати. Опять этот сон. Единственное место, где я могла видеть его. И все было именно так, как бы мне хотелось, но о чем в реальности я даже мечтать – не смела.

Я все еще чувствовала его тепло на руках, его дыхание, касавшееся щеки, ощущение прикосновения его губ, я слышала его голос. Сколько лет он уже не снился и вот опять. Я ждала его и ненавидела. Хотелось видеть его хотя бы во сне, просто видеть, но после этого реальность казалась невыносимой. Когда же это кончится, когда?!

Подушка промокла, и я перевернула ее на другую сторону. За окном светало. В комнате было душно, пришлось открыть окно. Прохладный предрассветный ветерок ворвался в комнату, я глубоко вдохнула свежий воздух и зябко поежилась. Накинув халатик, я снова забралась в кровать, и сиде-

ла, подобрав под себя ноги. Все эти годы я запрещала себе думать о нем. Прогоняла каждую мысль, любую мелочь, которая могла напомнить о нем. А теперь? Все старания, все мои усилия, многолетний труд, все пропало даром.

Какая-то часть меня, где-то глубоко внутри души, страстно желала верить, что сон – это правда. Что я для него что-то значу. Вся остальная я изо всех сил сопротивлялась возникшим из прошлого образам и чувствам. Воспоминания, которых я столько лет избегала, которые я старательно прятала и сама пряталась от них, всплыли из архивов памяти. И загнать их обратно в их темный угол я была уже не в силах.

3.

– Знаешь, Аннушка, в среду мой племянник приедет, он у нас круглый отличник! Он такой хороший мальчик! – заявила мне Лара, молодая женщина, недавно приехавшая с двумя девчушками на лето к мужу, – Вот увидишь, он тебе понравится!

Какая же она все-таки красивая, – в который раз подумала я. Круглое лицо, волнистые до плеч темно-русые волосы, на аккуратном носике, да и по всему лицу еле заметные веснушки, широкие, правильной формы брови и глаза, невероятные, большие, ярко-зеленые в крапинку. И это без грамма косметики. На нее хотелось смотреть, ею хотелось любоваться. И голос, мягкий, бархатный. Не то, что ее муженек – черноволосый, черноглазый, смуглый. Ничего особенного.

Он украл ее совсем еще девочкой, такое часто случается, и родственники уговорили ее остаться. Типа молва, сплетни пойдут и все такое. Это на востоке серьезно. Ларе пришлось остаться. Повезло мужику, ничего не скажешь. Такая красавица – большая редкость.

Но слова ее, меня слегка задели.

Нашла, чем хвастаться. Вообще-то я тоже учусь неплохо. У меня всего две четверки, по алгебре и геометрии. Вон Димка тоже отличник, но его бабуля не трубит об этом на весь мир. Хотя, стоит Димке рот раскрыть сразу ясно, как он учится. Хоть он и вредноват, все-таки здорово, что мы соседи, не каждый день встретишь такой экземпляр. Подумать только, сочинить, что к ним в огород приходит «наркоша» и оставляет бычки преферанса, да еще следы свои 43 размера. И по его отпечатку «узнать» как тот выглядит. Правда, я не хуже, поверить в эту чушь и помогать ему в расследовании и поисках этого наркомана! Хотя, вдруг это не чушь, а самая настоящая правда? Ах, нет, он же сам сознался, что соврал и никакого наркошки не существует.

Я взяла лопату с благородным порывом помочь маме с огородом. Тем более соседский мальчишка с таким же благородными намерениями залез на старую грушу и осматривал оттуда окрестности.

–Куда это ты залез! – послышался крик его бабушки, – чего тебе там надо, дерево ломаешь, а я так эту грушу люблю! Слезай немедленно!

– Не бойся, бабуля, не сломается, – беспечно отозвался Димка.

– Привет, Димон! Чего ты там высматриваешь, наркошу своего?

– Нет, я побил рекорд, залез на самую высокую точку!

– Та груша повыше! – я указала на дерево в другом конце огорода.

– Не переживай, ревновать не будет, я не обделю вниманием и то дерево!

– Ну и как назовешь новую высоту? Пик Дездемоны? – предложила я, ковыряясь лопатой в земле.

– Почему Дездемоны?

– Потому что ты и есть Дездемона! А вон та груша – Отелло! Смотри, как бы она не придушила тебя, когда ты в следующий раз на нее взберешься!

– Я не Дездемона! – взбесился Димка.

– Дездемона, Дездемона! – поддразнила я.

– Не называй меня так! – от возмущения он даже стал размахивать руками, дерево зашаталось, застонало и заскрипело ветками, и я слегка испугалась, как бы он не свалился со старенькой груши.

В этот момент я увидела *его* – шупленького мальчишку, в слегка выцветшей темно-синей полосатой майке. Он подвел сестру к рукомоёйнику, который стоял во дворе. Скорее всего, и есть тот самый хваленый отличник. «И это все?» А я ожидала увидеть увешанного медалями, высокого красавца

с непомерным самомнением.

–Кто это?– громким шепотом спросила я у Димки, так как видела их как-то на днях вместе.

–Это Радим.

–Кто?

–Радим, кто же еще!

–Не поняла, как его зовут?

–Отстань ты от меня, спроси у него самого.

Я впервые слышала такое имя. И не знала, как же мне к нему обратиться. Поэтому сказала то, что первое пришло в голову, надеясь, что он не слышал, как я допрашивала Димку.

–Эй, Гоша, как тебя зовут?

Он обернулся, дико посмотрев на меня. Понятно, я бы тоже не обрадовалась, если бы меня назвали Гошей. Даже если бы была мальчишкой.

–Радим.

–Как?– кажется у меня что-то со слухом.

–Радим.

–Э-э, слушай, а что если я буду называть тебя Кешей? – пожалуй, моей наглости не было предела.

–Можешь называть меня Радиком, если хочешь,– уходя в дом, произнес он.

–Ага. Это уже лучше. Ну, и как он тебе? – обратилась я к Димке.

–Хороший.

Он и, правда, оказался хорошим. Даже читал сказки своим сестричкам, пока я деловито вышагивая по двору и размахивая пустым жестяным ведром прямо у него перед носом, пыталась привлечь его внимание. Он выглядел очень спокойным и даже старше своих лет, хотя ростом он, был чуть повыше меня. Даже помогал тете по хозяйству.

Он нес белую кудахтающую во все горло и хлопающую крыльями курицу на убой, держа ее за ноги и брезгливо вытянув руку вперед. Как же я могла упустить этот случай и не поддразнить его?

–Радик, курицы боится...– пропела я.

–Я не боюсь! Я просто... не люблю их!

–Ага, ну да! – недовольство в его голосе мне не понравилось, я испугалась, что он может обидеться и решила не злить его.

Тут мама меня позвала. Как всегда, когда слышала, что мы вместе. Это начинало раздражать, но послушаться гордость не позволяла.

– Ты, правда, круглый отличник?– эта тема не давала мне покоя.

–Нет. У меня одна четверка. А что?

–Ничего, твоя тетя говорила.

–Э-э! – он махнул рукой,– кого слушаешь?

Мне сразу полегчало от того, что он не придает этому большого значения. Все мои знакомые отличники, считали

себя чем-то исключительным. Мальчик отличник, да еще не задирающий нос, от того что он такой «умный» это как-то необычно.

–А готовить ты умеешь? – не унималась я.

–Да так, картошку пожарю, яичницу...

Хорошо, что не сказал, что он себе может борщ приготовить, или голубцы завернуть, этого бы я не вынесла!

–А у меня день рождения скоро! Приходи, обязательно, ладно?

–Хорошо. Кстати, у меня тоже скоро день рожденья. Только не знаю, где буду его праздновать, у дяди, наверное, в деревне.

Невесело как-то его слова прозвучали. Наверное, ему бы хотелось праздновать день рождения в кругу друзей, дома.

Вечером мы с сестрой гуляли по двору. Соседские девочки играли перед своим домом. Радим вышел к нам.

–А у тебя есть возлюбленная? – хихикая, спросила его моя сестра. Она младше меня на пару лет, а все туда же. Вот бы мне ее смелость. Я напряглась, мне самой было очень интересно.

–Да, есть, – спокойно ответил он.

–И кто она? Мы ее знаем? – сестра от радости чуть не запрыгала.

Мимо прошли две женщины с девочкой примерно нашего возраста.

–Да. Я люблю эту девочку уже давно, – он кивнул головой в сторону.

Я сразу подумала, что он про девочку, которая только что прошла и невольно поглядела ей вслед, надеясь увидеть ее лицо. Софи, видно тоже подумала о ней и не растерялась:

–А ты же ее не знаешь, как это ты ее любишь?

–Как не знаю, вон та девочка.

–Которая?– не унималась сестра.

–Во-он...

Тетки с девчонкой уже прошли. Не было там никого. Кроме меня. От неожиданности я сделала вид, что ничего не понимаю. И постаралась поскорее забыть об этом. Да и Софи, почему-то вдруг замолчала и больше не поднимала эту тему. И я была ей за это очень благодарна.

Начало июля. Наша речка как раз в этот период прогревается так, что можно с удовольствием, не дрожа, купаться. Папа пообещал мне, что мы ходим, вот здорово! Я вышла на улицу и увидела Радима, стоящего в тени огромной пятидесятилетней липы.

–А вечером мы с папой на речку идем! Пойдешь с нами? И Дима идет!

–Ну, не знаю, если разрешат, – замаялся он.

–Пойдем! На речке здорово! Тебе понравится.

Мне так хотелось, чтобы он согласился. Но в то же время упрашивать его я стеснялась, а вдруг он не хочет и согласит-

ся пойти из вежливости, если я буду настаивать?

Вечером мы вчетвером отправились на речку. Как же я была этому рада! Димка соорудил из пластиковых бутылок и скотча нечто вроде плавательного коврика и назвал это чудо крейсером «Кисой Воробьяниновым». Не знаю, почему именно так, но это было весело.

–Ты плавать умеешь?– спросила я Радима.

–Да, конечно. А ты?

–А я нет.

–Зайдем вместе.

–Вы там осторожнее, там камни иногда скользкие бывают, – предупредил папа. Его слова скорее относились к Радиму и к Димке, чем ко мне. Он, конечно, знал, что плавать я не умею, но так же был уверен, что я буду осторожна.

Мы немного поплескались. Папа тоже залез в воду и плавал брассом. Димка опробовал свой непотопляемый крейсер, правда, он плавать не умел, так что копошился в одной точке. Радим вылез из воды погреться на солнце. Я тоже решила выйти. Речная вода капала с его челки на лицо, капельки блестели на солнце, и я невольно залюбовалась на него. Он смотрел на меня, так печально, и я вдруг услышала, как он тихо напевает: «Я люблю тебя, я люблю тебя». Я смутилась и отвела взгляд.

Тут подошел Димка. Внимательно посмотрел на Радима и вызывающе произнес:

–А у тебя волосы подмышками растут!

–Да что ты понимаешь!– разозлился Радим. Мне тоже было неприятно, ведь с моим телом происходило похожее, и мне бы не хотелось, чтобы меня этим дразнили.

–Дима, ты просто...– я даже сразу не нашлась, что сказать.

–Ужас,– подсказал Радим.

–Да, ужас.

–А у тебя, ... – тут он произнес что-то на своем языке,–
Вот.

–Что это значит? – Диме было обидно, что Радим сказал про него что-то, что тот не понимает.

–Тебе не скажу.

Димка разозлился и ушел к речке к своему крейсеру. Мне стало так любопытно, что это такое сказал Радим про Димку.

–А что это ты сказал?– кивнула я в сторону Димки.

–А, это? Голова, круглая, как дыня.

–Точно!– рассмеялась я, глянув в сторону Димки. У него и правда голова напоминала дыню, правда не совсем круглую, скорее немного вытянутую.

Вечером мы как обычно сидели во дворе. Димка ушел домой, бабуля позвала его ужинать. Так что мы были вдвоем: я и Радим. Тут ко мне подбежала его младшая сестра и, усевшись на колени, попросила сказку рассказать. Я была в затруднении. Радим сказал, что сам потом расскажет ей сказку, но ее это естественно не устроило, она потянула за горло моей кофты, так что спустила ее с плеча и увидела бретельку бюстгальтера. И стала кричать, что на мне лифчик и еще

сильнее потянула за кофту.

–Отпусти ее!– прикрикнул на нее Радим, но ей было все равно. Она так вцепилась в меня, что я думала, кофту вот-вот разорвет. Отцепить от себя у меня не получалось, я боялась нечаянно сделать ей больно.

Радим что-то сердито проговорил ей на непонятном мне языке, но она продолжала голосить. На крик выбежала ее мама, отодрала от меня и увела домой, по пути несколько раз шлепнув. Я поправила волосы и кофту.

–Ну и характер у этой девчонки, – недовольно глядя ей вслед, заметил Радим.

–Извини, я... – мне было неудобно. Я даже подумала, не следует ли мне в данной ситуации в слезах убежать домой. Но убежать, когда он рядом совсем не хотелось

– Ерунда. Забудь, – утешительно добавил он.

Это было как-то странно. Он иногда вел себя как взрослый, будто ему не 14, а все тридцать.

К нам во двор как-то повадилась чужая собака, большая и белая. Каждый вечер у нас исчезали ботинки, босоножки, шлепанцы, все, что оставалось во дворе, на ступеньках лестницы. Причем таскала она обувь, именно для правой ноги.

–Тут к нам по ночам собака заходит, – предупредил мой папа Радима, складывающего поленья, которые, сам и порубил, – Свистеть-то умеешь, чтобы если что напугать ее.

В следующую секунду я услышала пронзительный короткий свист.

–Вот, молодец, – похвалил папа,– Так и свисти, когда увидишь ее.

В августе я сильно заболела. Как раз после его отъезда. Мне было так плохо, что я не могла пошевелить головой. она затылок, виски и лоб раскалывались, как только я пыталась приподняться или повернуть ее. Такого у меня никогда не было, хотя болела часто, ангина, бронхиты и грипп были хорошо мне знакомы. Врач скорой помощи сделал укол и неуверенно диагностировал солнечный удар, а я пыталась вспомнить, когда это так долго пробыла на солнце. Я пила аналгин и еще какие-то антибиотики, вспоминая слова из песни Цоя «Когда твоя девушка больна» про то, что она ест мед и пьет аспирин. Через несколько дней мне стало лучше, и тут я узнала, что он вернулся. Хорошо, вовремя узнала, что он сам ко мне собирается зайти, навестить, так сказать, больную. Иначе, я бы сама выскочила из кровати и побежала к нему.

Тогда-то он и заполнил ту самую анкету.

-Смотри, что у меня,– перекидывая изумрудного цвета всю в золотистых узорах книгу, из одной руки в другую похвасталась я, – Коран!

–Нельзя так играть с книгой! – испуганно предупредил Радим.

–А что такого?

—И нужен тахарат, чтобы руки чистые были.

Он выглядел озабоченным, даже немного встревоженным. Перед глазами возникла картинка: запыленная стопка ненужных книг, и среди них лежит Коран. Именно в таком виде я случайно нашла ее у соседней и попросила одолжить. Пожалуй, не стоит говорить ему об этом.

—Ладно. Слушай, а как ее читать-то? Обложка с обеих сторон как лицевая!

—Это же арабское письмо. Справа налево.

—Ух, ты, здорово! А ты умеешь?

—Когда-то читал, но там сложновато, в начале, в середине и в конце одна и та же буква пишется по-разному. Надо запоминать.

Мне тоже показалось это слишком сложным. И я решила вернуть книгу обратно, соседям.

В начале сентября он уехал. Точнее 4 сентября. Он пожелал счастливо оставаться, пожал мне руку, сел в авто дяди и помахал на прощание. А я смотрела вслед удаляющейся машине, пряча глубоко в сердце все, что он оставил мне, надеясь, что никто не догадается, что на самом деле творится у меня на душе.

4.

Тупо уставившись в одну точку я ждала, когда можно будет выйти из комнаты, не вызвав подозрения мамы, так рано

я никогда не встаю. Что мне делать?

Даже смерть отца я не переживала так. Я скучаю по нему, да, очень скучаю. Иногда просыпаюсь оттого, что зову его.

Я не хочу вспоминать прошлое, хотя оно до сих пор не дает мне покоя. Когда-то много лет назад я вырвала эту страницу из своей жизни. Все было кончено.

Я и не знала, до этого как это больно – пытаться забыть. Как это долго. Как мучительно. Когда ненавидишь ночь, потому что нельзя отвлечься от грызущих мыслей, ненавидишь наступающее летнее дыхание и, когда-то любимые, ароматы пионов и роз, потому что даже они против тебя, напоминая о том, что было тогда. Это ломает кости, выворачивает душу наизнанку, когда действительно хочется, очень хочется вырвать сердце из груди, чтобы испытать хоть небольшое облегчение. И когда падаешь на колени и рыдаешь на полу, пытаясь хоть как-то выплеснуть терзающее чувство, когда растекаешься по стенкам и, в конце концов, забываешься сном от усталости и изнеможения. В такие минуты я завидовала Данко, который смог разорвать себе грудь и вытащить сердце. Но у него цель была благородная, а мне надо было всего лишь облегчить страдания, утихомирить монстра рвущего меня на части изнутри.

Жить так дальше нельзя.

Надо забыть его. Как будто его и не было. Мне ведь удалось, я почти не вспоминала о нем. Я запретила себе думать о том времени. И пока я его не видела, это было легко и

естественно – бороться с воспоминаниями время от времени пробивающимися из подсознания. А теперь он вернулся. Да еще и работать тут будет. И живет он на нашей улице. Но я так просто не сдамся. Я буду бороться.

Правда, смешно сказать – против кого, против себя?

Память, словно мстя мне за все эти годы, в течение которых я ее подавляла, швыряла в меня картинками, каждая из них оставляла жгучий, дымящийся шрам на моей душе.

Почему ты не ответила ему? Почему каждый раз делала вид, что тебя это не касается? Почему не разобралась?! И я не знала, куда деться от этих вопросов. Единственное оправдание – это возраст. Невнятное, глупое. Он просто пошутил, врала я сама себе, пытаюсь успокоить метущуюся, уворачивающуюся от пощечин памяти душу.

Признания камнем повисли на шее и тянули вниз, вниз в бездонную пропасть...

А ведь я его совсем не знаю.

Вот возьму и не пойду. А зачем? Что ему нужно?

Ну, почему? Почему до сих пор для меня это так важно? Почему даже сейчас это вызывает спазмы в горле, и дышать становится трудно? Что это – я по-прежнему влюблена, или просто воспоминания слишком остры?

Я ему никто.

Никто.

И зачем ему было приглашать меня?

Но мне очень хотелось побыть с ним немного. Да, хотелось, до смерти. Я прекрасно понимала, к чему это приведет. Это как наркотик для наркомана. Мне опять предлагают дозу. И я не в силах отказать.

Я сама себя толкаю в пропасть.

И я *хочу* прыгнуть. Хочу ощутить ветер, бьющий в лицо. Я так долго ждала этого, хоть и противилась изо всех сил, пытаюсь уберечься от новых терзаний.

Остается одно – сказать все в лоб. Плевать на гордость. Плевать на скромность. Хуже чем то, что было до сих пор, не будет.

Я встала перед зеркалом. Да-а... Ну, прямо чучело ого-родное, страшилище! Волосы торчат во все стороны, веки распухли, покраснели. Темные круги под глазами даже слои тональника не скроют. Что ж, ничего, перед прыжком с парашютом не красятся, а именно так я себя и чувствую. Но, пожалуй, слегка подвести глаза не помешает. И тени. И прозрачный блеск для губ.

Это свидание? Или просто дружеская встреча?

А может, вообще не ходить?

Ну, уж нет, больше я так не выдержу. Зайду к нему. И выложу все. Вздохнуть не успеет.

Я шла, и решимость моя с каждой минутой только увеличивалась. Не знаю, что он ответит. Может, мне станет только

хуже от его слов, но, по крайней мере, все станет ясно.

Он стоял у гардеробной, и разговаривал с женщиной средних лет. Увидев меня, он помахал рукой. Я подошла.

– Привет, здорово, что пришла. Я сейчас, только к директору загляну. Я быстро! – крикнул он, перепрыгивая через ступеньку по лестнице на второй этаж.

– Так это ты его девушка, да? – оглядывая меня с ног до головы, спросила женщина.

– Э-э, что? – от неожиданности я даже не нашлась что ответить.

– Он у нас недавно, месяца два как, родственник директора, говорят. А наш директор кого попадя не принимает, а этот странный какой-то, даже толком петь не умеет. Что ему в театре надо в толк не возьму, а тем более у нас тут драмтеатр, а не опера. Но сердце у него доброе, это я тебе говорю – Клава. А уж я точно знаю, что говорю, никогда еще в людях не ошибалась. А тебя-то как ждал! Несколько раз спускался с репетиции, предупреждал, что девушка прийти должна, красивая, с длинными волосами. Волновался, чтоб не упустила. А я-то что, я – человек живой, мне и выйти надо бывает иногда, сама понимаешь, по делам своим, а тут сижу и сижу, тебя жду, так он меня заинтриговал. Тут ведь к артистам часто девочки бегают, а им все равно. Поморочат им голову и до свидания. А этот не такой, сразу видно. Так что береги его, девонька, вижу, хорошая ты. Любишь его, да?

В течение всего монолога я краснела, бледнела, а послед-

ний вопрос меня вообще в ступор ввел. Тем более что Радим уже сбегал по ступенькам вниз и на вопросе «любишь его, да?» испуганно глянул на меня, а потом на тетку за стойкой, только уже раздраженно.

–Ой, а вот и он. Ну, счастливо вам, ребятки.

–До свиданья, тетя Клава, спасибо вам. Пошли, Анна.

Он взял меня за руку, у меня чуть ноги не подкосились.

Радость вперемешку с горечью заполнила меня до краев. Даже не предполагала, что можно так сильно чего-то хотеть и не догадываться об этом. Я столько лет подавляла свои желания. Вот-вот разревусь. И это от одного его прикосновения. Безобразие. Разве можно так реагировать?

–До свидания, – еле пролепетала я.

–Ну, куда пойдём? – бодро спросил Радим, как только мы вышли из театра. – Не знаю как ты, а я бы поел. Заглянем в кафе, ты не против? – увидев его веселую улыбку, я сразу же забыла, как нервничала и переживала, представляя нашу встречу.

–Не откажусь. После четвертой пары есть хочется ужасно.

–Тут через речку есть небольшое кафе, прогуляемся?

Не только через речку, а на край света пошла бы за ним, стоило ему позвать. Так что я даже обрадовалась, чем дальше идти, тем больше времени мы проведем вместе.

–Ты сбрил усы? И бороду, – подметила я.

Но провел рукой по подбородку.

–Да разве это усы. Просто не брился несколько дней.

И снова так хорошо и весело. Я даже забыла, что всю ночь прорыдала, а о решении все ему выложить и подавно.

–А о чем это вы с тетей Клавой беседовали? Мне показалось или она сказала...– мое сердце болезненно сжалось и пропустило удар, но тут он сменил направление,– что она тебе говорила про меня?

–О, да, она сказала, что к тебе толпами бегают девушки, и что ты им всем головы морочишь!

–Врешь ты все, не могла она так сказать, – понизив голос, проговорил он, улыбаясь, и у меня опять замерло сердце. Глаза у него зеленые-зеленые, значит, настроение хорошее, – Ты единственная, кто ко мне приходил за все время. О, вот и речка. Помнишь, как мы тут купались? Крейсер «Киса Воробьянинов». Где он, кстати?

– Голова, круглая, как дыня? Уехал учиться.

Мы ели пюре с котлетами и пили чай с лимоном. Почему раньше не было так? Так просто и так хорошо. Что изменилось теперь? Мне ведь ничего не надо было, только видеть его временами, я бы не посмела даже намекнуть ему сама о своих чувствах. Такая уж я трусиха. Но все не так. Я вспомнила, что хотела с ним поговорить. Устала размышлять на тему «Почему Радик меня избегает?» или «Что на самом деле Радик чувствует ко мне?». Пусть объяснит.

Кровь слегка похолодела и побежала быстрее. В животе начало крутить, а в горле пересохло. Я судорожно глотнула

чай из голубой чашки.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Я слушаю.

– Это о прошлом лете, то есть не о прошлом лете, а о том, ну, тогда, семь лет назад, когда мы познакомились... – посмотрев на Радима, я смешалась и замолчала. Его лицо вновь приняло вчерашнее выражение сосредоточенности. Губы сжались. Стало еще холоднее, пальцы промерзли со всем.

– Было здорово. Мы веселились. Жаль, что детство прошло. Прошлого не воротишь. И ворошить его не зачем, не правда ли? – под конец улыбнулся он, но я не поверила. Сердце заболело, да и горло перехватило. Как так можно? Почему – не ворошить?

Обратно мы шли молча. В голове сразу столько мыслей, что казалось, она вот-вот лопнет. Я снова буду сходить с ума, вспоминая его слова. Он не поднимал глаз, и, казалось, его мысли были далеко. Мы дошли до парка, и я чувствовала, что ему хочется уйти, и что он в любую минуту может исчезнуть. А у меня так и не хватит смелости спросить его. Узнать, что там на самом деле у него на сердце.

– Давай я тебя провожу.

Я проклинала себя за трусость и малодушие. И зачем я только пришла?

Какая, в сущности, разница? Да, мне плохо, когда его нет рядом, но теперь-то он здесь. И пока он со мной мне больше

ничего не надо.

Он рассказал, как попал в музыкальное училище, а потом он решил уехать на время к дяде.

–Так значит дело не во внезапном порыве любви к нашему городу.

–Да уж. Да нет, город мне нравится. Маленький такой, аккуратный. И театр у вас ничего, симпатичный.

–Вот, спасибо, – ухмыльнулась я.

–Да, кстати. Пару дней я, скорее всего, буду занят. Я тебя сам найду, ладно? Нужно кое-какие дела уладить, перед тем как... – он немного замялся, – подписать контракт с вашим театром. Все будет отлично. Ладно, пока.

Надо же, а я и не заметила, как мы подошли к моему дому. Как и вчера, он сразу ушел, я даже попрощаться, толком не успела, только смотрела на его спешно удаляющуюся фигуру.

Мамы дома не было, она пока не вернулась с работы. Я решила посидеть в огороде, пока солнышко не село. Все-таки последние теплые деньки в этом году, надо запастись витамином на зиму. Соседка, у которой раньше жил дядя Алик вешала только что выстиранное белье.

–Здравствуйте, Мэри, – поздоровалась я.

–Привет, дорогуша, как ты?

–Спасибо, все нормально.

–Я видела ты с Радимом шла? А куда он делся, домой пошел, что ли?

Ничего от зоркого глаза любопытной соседки не скроешь. И когда она успела увидеть? И стирала, и заодно в окошко поглядывала?

—Ага.

—Вот жизнь, а? Столько времени Алик прожил тут, столько раз и сам Радим к нам приезжал на лето, а теперь глядишь, даже не заходят. Не зря тогда твоя мама Алика прочесала, а я еще думала, за что это она его. Так и надо ему было! Все они нехристи!

Не то, что про Алика, я вообще не помню, чтобы моя мама когда-нибудь с кем-то ссорилась или повышала на кого-то голос. От удивления я даже привстала с кресла-качалки, которое мы во дворе обычно раскладывали. У нас было еще одно такое. Именно на них мы и сидели с Радимом, когда его младшая сестра принялась стаскивать с меня кофту.

—Когда это было, тетя Мэри? Я что-то не помню?

—Ой, давно, деточка моя, еще только второй год у нас он жил. Лет шесть, наверное, будет, а может и больше. Мама-то твоя дома, нет?

—Нет, не пришла пока.

—Хорошо,— понизив голос, продолжала она,— Да это в то лето, когда она тебя к тетке твоей отправила, помнишь? А Радим тогда приехал, все спрашивал, бедный, про тебя, мол, где она, когда вернется. А мама твоя еще тетке твоей позвонила, чтобы та тебя там подольше задержала, у нее окно открыто осталось, а я как раз во дворе была, слышала. А по-

том на Алика как напала. Что-то про обычаи их дикие говорила, про дочку его старшую, что они извращенцы в таком возрасте детей сватать, тем более родственников. А, и еще, чтоб хоть тебя в покое оставили. Ох, как в тот вечер Алик на Радима кричал! Правда, я не поняла ничего, они там по-своему говорили, но твое имя-то я разобрала! Радим тогда пару недель промаялся тут, смотреть на него больно было, а потом и уехал к себе, отправили его. Да, вот, доченька моя, так-то вот, – белье она уже развесила и пошла по дорожке к дому. До меня донесся вопль соседского кота, пронзительное, короткое «мяу», грохот металлического таза, а потом и ворчание тети Мэри.

– Брысь, окаянный! Пригрела котяру на свою голову, теперь отвязаться не могу! Мышей бы ловил, хоть польза была бы от тебя, а то все только подачки мои ждешь!

Сказать, что я была удивлена – ничего не сказать. У меня, грубо говоря, челюсть отвисла. Мама Отправила Меня Специально? Чтобы я не могла с ним увидеться? Видя, как я долгие месяцы проливала горькие слезы, что я забросила учебу, замкнулась, потеряла всякий интерес к жизни, я словно сломалась, она могла так со мной поступить? Или она всего этого не видела? А я всегда считала себя плохой актрисой, все мои чувства были у меня на лбу написаны. Хотя после того как он уехал, я старалась изо всех сил скрывать свою боль, и никогда о нем не заговаривала. Да как я могла, если даже имя его произнести была не в силах. Только Ника зна-

ла о моих переживаниях и мне искренне жаль ее – сколько моих охов-вздохов и плача она перенесла! И ни разу не пожаловалась на участь моего личного домашнего психолога.

А что Мэри сказала про сватание детей? Нет, не может быть, чтобы Алик сосватал свою дочь за Радима. Ей же тогда еще семи лет не было! Нет, тетя Мэри что-то неправильно поняла. И потом они же двоюродные сестра и брат. Кажется, она уже вышла замуж, я что-то слышала недавно. Это в 14 лет, елки палки, все равно, что я бы тогда за Радима замуж вышла. Эта мысль заставила улыбнуться, мне стало даже немного смешно, правда, легкий укол в груди я почувствовала. Как будто заживающую рану царапнули.

Самое приятное – он все-таки про меня не забыл тогда, спрашивал!

Радим не вызывал у мамы негатива, в отличие от его дяди. Алик всегда ей не нравился с самого первого дня. А папа говорил, что он бывший ректор какого-то турецкого университета, и к нам в город он приехал, чтобы набирать студентов для своего вуза. Типа участие в укреплении международных отношений. Тогда это было от меня очень далеко, я не обратила на эти слова никакого внимания. Но теперь задумалась. Я сама студентка, но никогда не слышала о том, чтобы кто-то к нам приходил и предлагал выехать за границу на учебу. У нас городок маленький, и если кто что делает, тем более полезное, то сначала трубит об этом на весь мир, а потом уже, либо делает, либо нет.

К тому времени как пришла мама злость моя утихла, и я раздумывала, как же мне завести разговор об этой истории. Я даже начала сомневаться, стоит ли вообще говорить теперь об этом. Столько лет прошло. Она, скорее всего, отмахнется от меня, дескать, не помню. А допытываться у нее все равно, что спрашивать партизана, не захочет, не скажет, хоть ты тресни. Нет желания выяснять отношения с ней, тем более с ее способностью все ставить с ног на голову, так как надо ей. Тем более что она не могла сделать это со зла, она ведь любит меня. Да и Радим здесь. А мне больше ничего и не надо. Когда я уже решила замять это, разговор начала она сама, заглянув ко мне в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.